

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я совершенно точно убила свою мать. Ладно, может быть, не совсем *точно*, но я была в этом совершенно уверена. На девяносто процентов уверена. Ну... может, на восемьдесят пять.

Все зависело от того, заперла я входную дверь, когда выходила из нашего дома сегодня утром, или нет. Но как бы я ни старалась, я не могла вспомнить, закрыла ли ее. *И если нет*, что ж, тогда велика вероятность, что маму, которая перекрашивала кухонные шкафы, когда я уходила, убил грабитель.

Или она была съедена беспринципным гусем, что звучит нелепо, но только если вы не встречали гусей, которые живут в Лондоне.

День начался не с такой трагической ноты. Стоял жаркий июль, только что закончился учебный год, поэтому я сразу после обеда вышла из дома, чтобы встретиться со своей лучшей подругой Эмили, ее младшей сестрой Тэм и двумя ее подругами.

Мы сели в автобус и поехали на другой конец города — в один из тех парков развлечений, которые всегда открываются летом. Мы планировали эту встречу несколько недель, и поначалу все было потрясающе: мы ели мороженое, греясь на солнышке, по очереди катались на гоночных машинах и пытались выиграть гигантских плюшевых медведей.

Мы только что встали в очередь к колесу обозрения, когда Тэм сказала что-то о запертой комнате в детективном романе, который она читала, и мне вдруг пришло в голову, что я не могу вспомнить, заперла ли я входную дверь.

Уже с беспокойством я прикусила кончик большого пальца, наморщила лоб и снова попыталась все вспомнить. Я представила, как выхожу из дома и вставляю свой серебряный ключ в серебряную замочную скважину; но точно ли это случилось *сегодня*, или воспоминание было одним из бесчисленных миллиардов *других*, когда я запирала дверь?

— Кики? — Эмили легонько ткнула меня локтем. — Ты в порядке?

Я кивнула и попыталась сосредоточиться на том, что она и другие девочки говорили, но все, о чем я могла думать, это входная дверь моего дома. Предположительно порядок возможных последствий незапертой двери был

примерно такой: грабитель (или гусь) видит незапертую входную дверь; грабитель (или гусь) не может поверить, насколько ему повезло; грабитель (или гусь) натывается на маму при попытке ограбить кухню, а затем неизбежно грабитель (или гусь) убивает (или съедает) маму.

Эмили перевела взгляд на мою руку и с беспокойством наблюдала, как я терзаю ноготь большого пальца.

— Ты не в порядке, — решила она и понизила голос, чтобы Тэм с подругами не услышали ее слов. — Что случилось?

Любому, кроме Эмили или мамы, я бы солгала и притворилась, что мне плохо, или у меня болит голова, или что-то в том же роде, но это *была* Эмили, поэтому я сказала ей правду.

И поскольку это была действительно Эмили, она выслушала меня и кивнула:

— И неважно, если я скажу тебе, что смерть твоей матери от гуся крайне маловероятна, не так ли? Потому что, если уж эта мысль оказалась в твоей голове, ты не сможешь избавиться от нее?

Она так хорошо меня знала.

— Я должна пойти домой и проверить дверь, — сказала я. Стыд, гнев и разочарование заставили меня стиснуть зубы. — Если я этого не сделаю, то просто проведу остаток дня в переживаниях.

— Хорошо, я пойду с тобой.

— Нет! — запротестовала я. — Останься. Мне будет только хуже, если ты тоже уйдешь.

Эмили поколебалась, но затем сказала:

— Моя мама сегодня приготовит китайскую тушеную курицу на ужин. Поужинаешь с нами?

— Тушеную китайскую курицу с имбирем? — спросила я, оживляясь.

Эмили усмехнулась:

— Ага.

В общем, пообещав прийти к ней на ужин, я покинула парк в более приподнятом настроении. По дороге домой, закинув ноги на сиденье в автобусе, я достала из рюкзака пухлый альбом и быстро набросала рисунок колеса обозрения. Я изобразила крошечное радостное личико Эмили, выглядывающее из кабинки на самом верху, а затем и свое лицо рядом с ней. Хихикнув про себя, я добавила чайку в небе над нами, какающую на голову Эмили. Подруга будет в восторге, когда я позже покажу ей этот рисунок.

Я опустила карандаш и некоторое время просто смотрела на набросок. Вид миниатюрной версии меня, такой счастливой на этом колесе, заставил почувствовать, что я все-таки провела время не зря. К тому же в те двадцать минут, которые я потратила на набросок, я совершенно не думала о своей *входной двери*.

Но когда я вернулась домой и обнаружила, что входная дверь все-таки *заперта*, все теплые и нежные чувства, которые вызвал у меня этот рисунок, растворились быстрее куска сахара в горячем чае. Я видела свое размытое отражение в матовом дверном стекле и буквально сверлила себя взглядом — другую себя. Я была в ярости: пропустила веселый день со своей лучшей подругой, потому что не могла перестать думать о *двери*.

Я тихонько вошла в дом, борясь с искушением громко хлопнуть дверью.

Наверное, я могла бы вернуться в парк развлечений, но тогда Тэм и ее подруги решили бы, что я еще глупее, чем они думали раньше.

Насколько я могла судить, большинство людей не становились одержимыми от случайной мысли или страха до такой степени, что *ничего* не могли с этим сделать.

Но со мной было именно так. Я росла веселой и бесстрашной девочкой, но в какой-то момент меня охватила тревога. Я стала нервничать из-за всякой ерунды. Я боялась, что паук, пробежавший по половице, вдруг окажется на моей подушке. Боялась, что акула проберется в наш школьный бассейн (да, я знала, насколько абсурдно это звучит, но все равно беспокоилась). Я волновалась, что какая-нибудь незначительная вещь, сказанная мною три дня назад, на самом деле была довольно глупой,

и, возможно, все, кто слышал ее, теперь уверены, что и я сама глупая. Я боялась, что мама однажды не вернется домой. Я беспокоилась, что кто-то из нас забыл закрыть кухонное окно перед сном...

И так далее.

Возможно, немного беспокоиться иногда — это нормально. Но моя тревога никак не заканчивалась. Нет. И чтобы она прекратилась, я должна была что-то *сделать*. И ладно еще если речь шла о каком-нибудь пауке, потому что тогда мама приходила ко мне в комнату, выслеживала его и — *хлоп!* И мое беспокойство сразу же улетучивалось. Но иногда все было не так просто. Порой приходилось постараться, чтобы заставить мой мозг успокоиться.

Когда я повесила рюкзак на крючок в прихожей, из кухни донеслись слабый запах краски и звуки веселой поп-музыки, а затем абсолютно живой мамин голос: — Кики? Это ты?

Я просунула голову в кухню, где мама красила последний шкаф. Желтые пятна виднелись на ее одежде, руках, даже на темных волосах, точно таких же, как у меня, только ее волосы были короткие и подстрижены под каре, а мои — длинные и почти всегда собраны в хвост. Я бы тоже хотела себе стрижку как у мамы, но знала, что мои волосы будут постоянно па-

дать на лицо, я начну постоянно теревить их, заправлять за уши, накручивать на палец и все такое прочее. Я уже и так обкусывала ногти, стоило их кончикам хоть немного отрасти, так что мне совсем не нужна была еще одна назойливая дурная привычка.

— Ты похожа на лимонный пирог, — сообщила я маме хихикая. Затем схватила ее телефон со стойки и сфотографировала.

— Ужасно, — сказала она ласково. — Ты *сама* выбрала этот цвет.

— Он хорошо смотрится на шкафах, но довольно странно на человеке.

Нахмурившись, мама махнула широкой кисточкой в мою сторону. Я взвизгнула, когда капли холодной желтой краски попали мне на щеку и плечо.

— Ты права, — улыбаясь, согласилась мама, — на человеке это *действительно* выглядит довольно странно.

Она была совершенно несносна. И я усмехнулась в ответ.

— Итак, — продолжила она, бросая мне кухонное полотенце, чтобы я могла вытереть краску с лица, — почему ты вернулась так рано?

— О, я не могла вспомнить, заперла ли входную дверь, и была почти уверена, что тебя съел гусь, поэтому вернулась, чтобы все проверить.

Это было правдой, но я говорила веселым тоном, как будто считала произнесенное глупым и смешным. Мама знала о моей тревоге, навязчивых идеях, о необходимости что-то *делать*. Она всегда нормально относилась к этому и никогда не заставляла меня чувствовать себя неловко, даже в тот раз в прошлом году, когда я разбудила ее в четыре утра, наклонившись над ней, чтобы убедиться, что она все еще дышит. Мама просто сказала: «Что ж, я тоже так делала, когда ты была малышкой, так что, думаю, это расплата» — и позволила мне поспать в ее постели до утра.

Но я не думала, что мама знает, насколько мне плохо. Я никогда не говорила ей об этом. Не то чтобы мне не хотелось. Просто зачем ее беспокоить?

А еще, возможно, я не хотела говорить маме ничего, потому что она превратила бы это в Большую Проблему. В гигантское Нечто. А я не хотела, чтобы это было Нечто. Я хотела, чтобы это было Ничто, которое не разрушало бы мою жизнь, не делало меня несчастной, не превращало меня в ту, кого я больше не знаю. В настолько незначительное Ничто, что оно очень скоро пройдет, и я снова стану жизнерадостной.

Прищурившись, мама проигнорировала мою чепуху про гуся и перешла сразу к самой важной части.

— Ты настолько беспокоилась о том, заперла ли входную дверь, что бросила своих друзей и вернулась домой?

Мне не хотелось ей лгать, поэтому я уклонилась от темы, сказав:

— Ну, мне еще стало немного не по себе. Сегодня очень жарко.

И то и другое было правдой.

— Кики...

— Кстати! — с энтузиазмом воскликнула я, беспардонно перебив ее, прежде чем разговор принял нежелательный оборот. — Ты не поверишь, что мне сегодня сказала Эмили! У ее мамы будет еще один ребенок.

Мама тут же переключилась. Конечно, это было круто, что у Эмили будет маленький брат или еще одна сестра, но на самом деле дети были мне не слишком интересны. А вот мама их любила. Я была почти уверена, что она завела бы как минимум пять собственных, если бы мой отец не умер до моего рождения.

— Еще один малыш! — проворковала мама. — Дай-ка мне телефон, утенок. Я напишу Мэй и узнаю, не нужно ли ей чего-нибудь.

— Можно я пороюсь в твоих чистых блокнотах, пока ты разговариваешь по телефону? У меня закончилось место в альбоме.

— Да, конечно.

Я оставила ее радостно набирать сообщение маме Эмили и поднялась в комнату, которую она использовала

в качестве домашнего офиса. Мама занималась анимацией и обычно ходила в студию, чтобы поработать над проектом с командой других художников-мультипликаторов, но еще она немного преподавала и старалась работать из дома, когда могла. Поэтому ее домашний офис был забит студенческими эссе, раскадровками, грудями исследовательских материалов, полками с книгами; еще там разместились блестящий компьютерный монитор и графический планшет, а также целая полка с пустыми тетрадями и блокнотами.

Чтобы добраться до нужной полки, мне пришлось обойти стопку книг. На самом верху лежала знакомая мне «*Иллюстрированная книга индийского фольклора: Том I*» — огромная и красивая, та, что мама читала мне, когда я была маленькой. И да, это был только первый том. Как оказалось, у мамы *имелось* целое собрание индийского фольклора: истории о чудовищах, о богах и героях, о богинях, которые ездили верхом на львах, о демонах, похищавших принцесс, о королях и королевах, о городах и злобных шакалах и... ну, в общем, о многом другом.

Мне нравились эти истории. Они были особенными для мамы: на них она выросла в Карнатаке, на юге Индии, где провела половину своей жизни, прежде чем переехать сюда. У нас с мамой было не так уж много общего, но любовь к искусству и мифологии была тем, что нас объединяет.

Положив «Иллюстрированную книгу индийского фольклора: Том I» обратно на стопку, я проверила полку с чистыми блокнотами. Там лежало несколько подходящих, но я все равно продолжила поиски. Как воин выбирает свой меч или ведьма — свою палочку, так я, Кики Каллира, должна была выбрать свой новый альбом для рисования. К этой задаче нельзя было относиться легкомысленно. Неправильный выбор мог обернуться гибелью Вселенной!

А потом я нашла его. Красивый, переплетенный белыми пружинами, с двумя сотнями толстых листов чистой белой мелованной бумаги. Обложка выглядела идеальной: мягкой, маслянисто-желтой, цвета вечернего солнца.

Как же приятно и легко быть жизнерадостной девочкой! Еще совсем недавно я легко могла засыпать по ночам. Мне не нужно было осматривать весь дом только потому, что я краем глаза увидела какую-то тень; в мозгу не начинало скрести, если книга на полке лежала корешком внутрь. Почему я больше не такая?

Может быть, со мной и правда что-то *не так*?! Я знала, что это ненормально, но не могла отделаться от чувства, будто только я одна виновата в том, что больше не была сильной и храброй. А иначе откуда эта тревога, это Нечто, проникшее внутрь меня и прочно там обосновавшееся?

ОБ АВТОРЕ

Сангу Манданне было четыре года, когда слон погнался за ней по лесной тропинке. Она решила написать об этом свой первый рассказ. А спустя семнадцать лет и множество рукописей подписала свой первый книжный контракт. Сангу является автором книг *The Lost Girl* и *A Spark of White Fire* и их продолжений, а также участвовала в написании нескольких антологий. Сангу живет в Норидже, на востоке Англии, с мужем и детьми. «Кики Каллира и нарисованное королевство» — это ее первый роман для детей младшего возраста.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая	5
Глава вторая	22
Глава третья	32
Глава четвертая	43
Глава пятая	62
Глава шестая	75
Глава седьмая	80
Глава восьмая	95
Глава девятая	112
Глава десятая	123
Глава одиннадцатая	133
Глава двенадцатая	140
Глава тринадцатая	151
Глава четырнадцатая	160
Глава пятнадцатая	172
Глава шестнадцатая	181
Глава семнадцатая	194
Глава восемнадцатая	202

Глава девятнадцатая	210
Глава двадцатая	221
Глава двадцать первая	230
Глава двадцать вторая	237
Глава двадцать третья	241
Глава двадцать четвертая	255
Глава двадцать пятая	266
Глава двадцать шестая	277
Глава двадцать седьмая	288
Глава двадцать восьмая	295
Глава двадцать девятая	299
Глава тридцатая	311
Глава тридцать первая	315
Об авторе	324

Литературно-художественное издание

Сангу Манданна

**КИКИ КАЛЛИРА
И НАРИСОВАННОЕ КОРОЛЕВСТВО**

Ответственный редактор	<i>Елена Гудина</i>
Выпускающий редактор	<i>Галина Логвинова</i>
Технический редактор	<i>Татьяна Машир</i>
Переводчик	<i>Ольга Ивасенко</i>

Формат 70×90/16. Бумага офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ №

Издатель и изготовитель: ООО «Феникс».
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в России. Дата изготовления: 10.2023. Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «ТАТМЕДИА»

Филиал «Полиграфическо-издательский комплекс "Идел-Пресс"».

Юр. адрес: 420097, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академическая, д. 2
Факт. адрес: 420066, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Декабристов, здание 2